

Надійшла до редакції 15.10.2012 р.

УДК 821.161.1-1'367

ИНТЕР-ВСТАВКИ – СРЕДСТВО ВНУТРИТЕКСТОВОГО АВТОРСКОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

Н. И. Иванова

Донбасский государственный педагогический университет

Реферат. В статье рассматриваются особенности интер-вставок (вставных конструкций не в рамках предложения, а занимающих позицию между предложениями). Интер-вставки не только обеспечивают когезию (связность) текста, но и представляют своеобразный текст в тексте. Поправки, уточнения, пояснения – все комментарии автора во вставках (статья построена на материале произведений Ф. Достоевского), увеличивают смысловый объём, расширяют информативный спектр и обращают внимание на эмоционально-чувственный мир персонажей. Интер-вставки – особый вид синтаксической связи предложений в тексте. Соединяя части высказывания «до» и «после» себя, логически их связывая, вставки приводят в структурное и семантическое равновесие все элементы текста, за счёт чего и достигается его цельность.

Ключевые слова: интер-вставка, когезия текста, линии повествования, сложное синтаксическое целое, широкая смысловая амплитуда, фрагмент мысли.

Художнику нечего сказать о процессе своего творчества – он весь в созданном продукте, и ему остаётся только указать нам на своё произведение.

М. Бахтин

Изучение вставных конструкций в последнее время довольно активно. Если в 60-х годах прошлого века ставился вопрос о необходимости исследования вводных и вставных элементов как разных синтаксических образований (работы Г. Н. Акимовой, А. И. Аникина, А. Г. Руднева и др.), то в современной лингвистике актуальны совсем другие проблемы: механизмы введения вставок в предложение, принципы их функционирования, их роль в семантической структуре предложения, функциональные типы вставок и т. д. (работы Е. А. Поспеловой, И. А. Старовойтовой, М. Н. Кулаковского, О. В. Меркушевой, С. В. Гусаренко и др.).

Диапазон исследования вставок широк, и тем не менее, одно вставное образование ещё не привлекло к себе внимания. А оно достойно серьёзного изучения.

Речь идёт о вставных конструкциях, включающихся в состав более протяжённого синтаксического единства, чем предложение, т. е. в сложное синтаксическое целое (далее – ССЦ). Такие вставки находятся между предложениями, а не внутри базового предложения. Занимая это положение, такие конструкции могли бы и называться соответственно: межпредложенческие вставки. Это обозначение вменяемо, понятно, но явно неудобно даже в качестве рабочего термина. Учитывая то, что любой термин в силу своей условности – инструмент временный, не абсолютный (не подошёл – можно заменить другим), в данной работе подобные конструкции будут называться интер-вставки. Цель данного сочинения: рассмотреть интер-вставки как элемент авторского включения в повествование, комментирующий некоторые ситуации, и определить их место в структуре текста. В работе будут

цитироваться отрывки из произведений Ф. Достоевского, названия которых полностью указаны в списке сокращений.

Особенности интер-вставок позволяют говорить об их совершенно уникальном месте и роли в тексте.

Интер-вставки – мини-рассказ в ССЦ. Их уже невозможно переформатировать, чтобы они стали частью базового предложения (как это возможно с другими вставками, вводимыми в некое предложение), потому как базового предложения нет, есть только «базовый» контекст. Если в других случаях стоит лишь убрать скобки, – и вставки становятся вполне «легитимными» частями предложения (обособленными оборотами, частью сложного предложения), то интер-вставки структурно абсолютно самостоятельны. И они приобретают любую структурную форму, никаких ограничений здесь нет. Структурная модель интер-вставок бывает непредсказуемой: здесь и прямая речь, и несколько предложений, и предложения с разными синтаксическими осложнениями, и др. К примеру, интер-вставка, представленная несколькими предложениями: автор описывает Тоцкого: *«С необыкновенным достоинством, вполне соответствовавшим его осанистой наружности, тихим, любезным голосом начал Афанасий Иванович один из своих «милых рассказов». (Кстати сказать, человек он был собою видный, осанистый, росту высокого, немного лыс, немного с проседью и довольно тучный, с мягкими, румяными и несколько отвислыми щеками, со вставными зубами. Одевался широко и изящно и носил удивительное бельё. На его пухлые, белые руки хотелось заглядеться. На указательном пальце правой руки был дорогой бриллиантовый перстень.)»* (И.). В торопливом объяснении князя Мышкина с «обществом» вставка во вставке: *«Павлищев мой благодетель и друг моего отца. (Ах, зачем вы такую неправду написали, господин Келлер, в вашей статье про моего отца? Никакой растраты ротной суммы и никаких обид подчинённым не было, – в этом я положительно убеждён, – и как у вас рука поднялась такую клевету написать?) А то, что вы написали про Павлищева, то уж совершенно невыносимо...»* (И.). Пример вставки в форме прямой речи (в эпизоде провокационной беседы князя Щ. с Мышкиным о Настасье Филипповне): *«Теперь же становилось ясно: князь Щ., конечно, толковал событие ошибочно <...> («Впрочем, он, может быть, и совершенно верно про себя понимает, - подумал князь, - а только не хочет высказаться и потому нарочно толкует ошибочно».) Яснее всего было то, что к нему теперь заходили в надежде каких-нибудь разъяснений»* (И.).

Здесь интер-вставки, выбиваясь из общего фона повествования, демонстрируют даже некоторую отчуждённость от основной семантической линии ССЦ.

Выделяется несколько типов интер-вставок: одни вставки – краткие, мелкие попутные комментарии, замечания локального характера (замечания к событию «здесь» и «сейчас»), другие – расширенные, обстоятельные, структурно сложные рассуждения и пояснения не только к ситуации «сейчас», но и ретроспективные и проспекционные. Между ними – бóльшая часть интер-вставок не такого структурно кардинального характера, структурно более спокойных, но не менее значимых содержательно и эмоционально.

При сопоставлении семантики интер-вставок с внутрипредложенческими вставками нельзя сделать вывод о количественном превосходстве какой-либо одной группы вставок. Интер-вставки имеют такую же широкую смысловую амплитуду, как и «обычные» вставки: ведь и информация не может быть ограниченной. Тематических границ у них нет. (Демонстрация каждого положения конкретными

примерами может быть достаточно затянутой, поэтому будем ограничиваться несколькими.)

Интер-вставки выделяются своей свободой даже тогда, когда они дополняют сказанное. Например, во вставке – рассказ о многих событиях, поместившийся в нескольких словах: мать Гани: *«Нина Александровна вошла очень испуганная. (Она сильно переменялась в эти полгода, похудела; выдав замуж дочь и переехав к ней жить, она почти перестала вмешиваться наружно в дела своих детей.)»* (И.); авторские попутные замечания: *«Но слишком, слишком много собралось в это утро и других неразрешимых обстоятельств <...> так что князь был очень грустен. <...> Коли целый день не было: он спозаранку отправился в Петербург. (Лебедев тоже уехал чем свет по каким-то своим делишкам.) Но князь ждал с нетерпением посещения Гаврилы Ардалионовича <...>*

Теперь, чуть только вошёл Ганя, князю тотчас же показалось, что Ганя в высшей степени убеждён, что в эту самую минуту настала пора разбить между ними лёд на всех пунктах. (Гаврила Ардалионович, однако же, торопился; его ждала у Лебедева сестра; оба они спешили по какому-то делу.)» (И.).

Практически каждая интер-вставка может быть оформлена в виде самостоятельного предложения или даже целой части текста: о Варваре Петровне, оставшейся вдовой: *«Правда, не могла она горевать очень много, ибо в последние четыре года жила с мужем в совершенной разлуке, по несходству характеров, и производила ему пенсию. (У самого генерал-лейтенанта было всего только полтораста душ и жалованье, кроме того знатность и связи; а всё богатство и Скворешники принадлежали Варваре Петровне, единственной дочери одного очень богатого откупщика.) Тем не менее она была потрясена неожиданностью известия и удалась в полное уединение»* (Б.). *«Нелли просилась хоть в горничные, хоть в кухарки, говорила, что будет пол мести и научится бельё стирать. (На этом мытье белья она основывала какие-то особенные надежды и почему-то считала это самым сильным прельщением, чтоб её взяли.) Мнение Александры Семёновны было оставить её у себя до разъяснения дела»* (УО).

Свойства таких интер-вставок дают основания рассматривать их как относительно самостоятельную коммуникативную единицу в составе текста. В отличие от внутрипредложенческих вставок свою денотативную отнесённость они показывают не к одному предложению, а к более крупному синтаксическому образованию – сложному синтаксическому целому. Это их положение диктует иной вектор анализа вставок: не «изнутри» (со стороны включающего предложения), а «снаружи» (со стороны синтаксической единицы более высокого уровня, чем предложение, - ССЦ).

Интер-вставки при высокой степени своей автосемантической всё же абсолютно самостоятельными быть не могут: ведь они всегда *внутри*, между тем-то и тем-то, т. е. всегда есть конструкция, внешняя по отношению к ней, обрамляющая её, являющаяся неким сдерживающим фактором для возможных попыток вставки стать абсолютно свободной. Структурный, да и семантический, суверенитет вставки невозможен; она очень громко заявляет о своей «особости», стремится к свободе, но всё-таки остаётся спутником.

При этом интер-вставки обладают такой смысловой силой и такой структурой, что позволяет им удовлетворить особые коммуникативные амбиции. Они более независимы от контекста по сравнению с предложениями в синтагматической цепи повествования, где каждое следующее развивает мысль предшествующего. Интер-вставки не звено одной цепи, а такая конструкция, которая может создать свою повествовательную цепь.

Так, некоторые вставки в прямом смысле выводят высказывание за пределы данной тематики общения героев: в них отражён непосредственный контакт с действительностью (с внесловесной ситуацией). Это вставки авторского комментирования, от которых не следует ожидать глубины мысли или тонких намёков на движение души; в смысловом отношении они ни к каким «открытиям» в познании мира героев не приведут, они только демонстрируют «мелкие» поведенческие факты. Но в указании на эти факты прочитывается манера поведения героя, те детали, на которые сам человек и внимание-то не обращает, потому что их не контролирует. А они – внешнее проявление какой-то внутренней реакции на происходящее. Вот вставки за вставками: генерал в панике: *«Если она проиграет значительную сумму или даже, пожалуй, всё состояние (о боже!), что тогда будет с ними, с моими детьми! (генерал оглянулся на Де-Грие) – со мною! (Он поглядел на mademoiselle Blanche, с презрением от него отвернувшись.) Алексей Иванович, спасите нас!»* (Иг); *«Что-то как бы вздрагивало в голосе Полины.*

- Он думал, что я ищу... что я буду настаивать... (Она остановилась и, не договорив, закусила губу и замолчала.) Я нарочно удвоила к нему моё презрение...» (Иг.).

Иван Петрович объясняет любовь Наташи к князю: *«- Этого нельзя объяснить, Катерина Фёдоровна; трудно представить, за что и как можно полюбить. Да, он ребёнок. Но знаете ли, как можно полюбить ребёнка? (Сердце моё размягчилось, глядя на неё и на её глазки, пристально, с глубоким, серьёзным и нетерпеливым вниманием устремлённые на меня.) И чем больше Наташа сама не похожа на ребёнка, – продолжал я, – чем серьёзнее она, тем скорее она могла полюбить его»* (УО).

Наиболее частотны интер-вставки «мелкого» авторского комментирования. В них – детали, штрихи к поведению персонажей: жесты, взгляды, движения, тон голоса, манера ведения разговора. Эти замечания на первый взгляд кажутся незначительными и не столь важными, как другие.

Если убрать скобки, эта структурная часть станет ничем не примечательным, рядовым текстовым компонентом, который, слившись с такими же ровными синтаксическими образованиями, станет и эмоционально нейтральной. Предположения о том, что будет, «если убрать скобки», имеют исключительно теоретический характер. Они потому и выводятся в структурно изолированную позицию, что, несмотря на свою содержательную приглушённость, по мнению автора, должны на себя обратить внимание читателя: *«Довольно мы её мучили! (Катерина Ивановна указала на Соню.) Полечка, сколько собрали? Ну чего этот болван смеётся?»* (ПиН); Лужин: *«Я же удалюсь, чтобы не мешать дальнейшей приятности родственного свидания и сообщению секретов. (Он встал со стула и взял иляпу.)»* (ПиН); несобственно-прямая речь князя Мышкина: *«Но... неужели Рогожин до сих пор не заметил в ней безумия? Гм...Рогожин видит во всём другие причины, страстные причины! И какая безумная ревность! Что он хотел сказать давешним предположением своим? (Князь вдруг покраснел, и что-то как будто дрогнуло в его сердце.)»* (И.); в гостях у Варвары Петровны её подруга Прасковья Ивановна *«...задирчиво махнула рукой подносившему ей кофей слуге. (От кофейю, впрочем, и другие отказались, кроме меня и Маврикия Николаевича. Степан Трофимович взял было, но отставил чашку на стол. Марье Тимофеевне хоть и очень хотелось взять другую чашку, она уж и руку протянула, но одумалась и чинно отказалась, видимо, довольная за это собой.) Варвара Петровна криво улыбнулась»* (Б.).

«Много гримас, случайных личин, фальшивых жестов, неожиданных поступков обнаружит герой в зависимости от тех случайных эмоционально-волевых реакций, душевных капризов автора, через хаос которых ему приходится прорабатываться к истинной ценностной установке своей, пока наконец лик его не сложится в устойчивое, необходимое целое. Сколько покровов нужно снять с лица, по-видимому, хорошо знакомого человека, <...> чтобы увидеть истинным и целым лик его», - замечает М. Бахтин и далее развивает мысль о том, что автор не только видит и знает, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, «но и больше их, причём он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определённом и устойчивом *избытке* видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, то есть целого произведения» [1, с. 10, 16].

Аглая нервно рассказывает князю Мышкину о Настасье Филипповне: «... После этого она бежала с Рогожиным; потом вы жили с ней в деревне какой-то или в городе, и она от вас ушла к кому-то. **(Аглая ужасно покраснела.)** Потом она опять воротилась к Рогожину» (И.). Лебедев нервничает в разговоре с князем: « - Видите, князь, – весь даже затрясся Лебедевд, – это важно, это слишком важно теперь, то есть не насчёт господина Фердыщенко, а насчёт того, как к вам дошло это известие. **(Говоря это, Лебедев бежал вслед за князем взад и вперёд, стараясь ступать с ним в ногу.)**...» (И.); разговор Ивана Фёдоровича с супругой: «... вечером, наедине с супругой и принуждённый опять говорить, вдруг и как бы с особенною бодростью выразил несколько неожиданных мыслей: «Ведь, в сущности, что ж?..» **(Умолчание.)** «Конечно, всё это очень странно, если только правда, и что он не спорит, но...» **(Опять умолчание.)** «А с другой стороны, если глядеть на вещи прямо, то князь ведь, ей-богу, чудеснейший парень, и...и, и <...> У него есть...и...и...и...». **(Продолжительное умолчание и решительная осечка.)**» (И.); Грушенька: «Вы не видали этого, Иван Фёдорович, он видел. Что он подумал обо мне вчера – не знаю, знаю только одно, что, повторись то же самое сегодня, сейчас, и я высказала бы такие же чувства, какие вчера, – такие же чувства, такие же слова и такие же движения. Вы помните мои движения, Алексей Фёдорович, вы сами удержали меня в одном из них... **(Говоря это, она покраснела, и глаза её засверкали.)** Объявляю вам, Алексей Фёдорович, что я не могу ни с чем примириться» (БК.).

Эти описания, даже не описания, а мелкий штрих в описании, почти театральнo-сценические ремарки, кажутся такими незначительными и мелкими на фоне всегда нервно возбуждённых бесед персонажей. Но почему же они выводятся в отдельное вставочное предложение? Может быть, чтобы не мешать повествованию, мелкими деталями не нарушить высокий накал психологического напряжения, не снизить этот градус душевного волнения. Убери скобки – и густой фон эмоционального возбуждения тут же исчезнет, тонкую психологическую игру разобьют обывательски примитивные комментарии. А этого автор как раз допустить и не желал. Волею писателя его герои обречены жить страстями. Это, конечно, всего лишь предположение, но не такое уж и зыбкое. В союзники может быть приглашён авторитетный стилист С. Моэм, так видевший манеру письма Достоевского: «Какими манерами он настраивал читателя на особую, острую восприимчивость? Он собирал героев вместе и заставлял их обсуждать что-нибудь до непонятливости бредовое, а затем всё постепенно разяснял. Нескончаемые разговоры вызывают захватывающий интерес, который Достоевский остроумным приёмом ещё и подстёгивает: действующие лица произносят свои реплики с необъяснимым волнением.

Поэтому самые обычные слова получают какую-то таинственную многозначительность, и, в конце концов, всё это так взвинчивает читателя, что он совершенно готов к потрясению, когда случается нечто действительно серьёзное» [2, с. 239].

Указания на «мелкие» детали поведения персонажей позволяют читателю полно увидеть (во всех возможных измерениях) мизансцену и обратить внимание на нюансы внешнего рисунка, которые важны для понимания внутреннего мира.

Другая часть интер-вставок иного рода: они выполняют функцию информационного расширения. Дополнительная информация вносится автором и как ранее запланированная, и как попутная, употребление которой связано с разного рода ассоциациями, необходимостью в момент написания сделать оговорки, поправки: перед выступлением Степана Трофимовича в клубе: *«Он уселся в кресла, ещё среди остававшегося беспорядка. В передних рядах его, видимо, встретили нерасположенные взгляды. (В клубе его в последнее время как-то перестали любить и гораздо меньше прежнего уважали.) Впрочем, и то уж было хорошо, что не шикали (Б.); долгий разговор с Blanche: «...Одним словом, я имел счастье решительно заслужить под конец полное благорасположение этой достойной девицы. (Blanche, впрочем, была и в самом деле предобрейшая девушка, – в своём только роде, разумеется; я её не так ценил сначала.) "Ты умный и добрый человек, – говаривала она мне под конец"» (Иг.).* Содержание таких ИВ чрезвычайно широкого спектра: информация, подтверждающая или опровергающая содержание предыдущего высказывания, дополнение сказанного однородной информацией, информацией, имеющей характер противопоставления, сопоставления, сравнения, оговорки и т. д.

На процессе над Дмитрием Карамазовым: *«Именно в эту минуту вопросы перешли к Фетюковичу. – Это было ещё не здесь, а в начале вашего знакомства? – осторожно подходя, подхватил Фетюкович, вмиг запредчувствовал нечто благоприятное. (Замечу в скобках, что он, несмотря на то, что был вызван из Петербурга отчасти и самую Катериною Ивановной, – всё-таки не знал ничего об эпизоде о пяти тысячах, данных ей Митей ещё в том городе, и о «земном поклоне». Она этого не сказала ему и скрыла! И это было удивительно. Можно с уверенностью предположить, что она сама, до последней минуты, не знала: расскажет она этот эпизод на суде или нет и ждала какого-то вдохновения.) Нет, никогда я не могу забыть этих минут!» (БК.);* Варя рассказывает брату Гане новости: *«Князь – жених формальный, дело решённое. Мне старшие сказали. Аглая согласна; даже и скрывать перестали. (Ведь там всё такая таинственность была до сих пор.) Свадьбу Аделаиды опять оттянут, чтобы вместе обе свадьбы разом сделать...» (И.).* Защитник Ракитину на процессе: *«Но вот я о чём, главное, желал бы у вас полюбопытствовать: вы только что заявили, что были весьма близко знакомы с госпожой Светловой? (Nota bene. Фамилия Грушеньки оказалась «Светлова». Это я узнал в первый раз только в этот день, во время хода процесса.)» (БК.).*

Так вставки показывают себя необходимым элементом, обеспечивающим когезию (связность) текста. Они – не просто одна из частей текста, а часть, которая, укрепляя текст, работает на его смысловое единство.

Многие персонажи Достоевского, увлекаясь в разговоре и как будто то ли не имея времени, то ли боясь сбиться с логики (одним им известной) мысли, вводят в свои монологи реплики. Но эти реплики, несмотря на «вторичность» их появления в тексте, являют собой, во-первых, смысловой стержень и, во-вторых, эмоционально выдвигаются на первый план. Здесь работает ещё один фактор, исключительно психологического порядка. Человеку часто свойственно если не скрывать свои

чувства и мысли, то хотя бы их не показывать явно, но в моменты особого эмоционального напряжения невольные жесты, как известно, выдают его с головой. И ведь именно эти, кажущиеся такими семантически невзрачными вставки раскрывают тайны. Достоевский здесь непревзойдённый мастер психологических провокаций.

Вставки появляются там и тогда, где и когда они бы не должны быть, в них – то, что герой, возможно, и не думал (или не хотел) произносить. Это то скрываемое от других, а иногда и от себя, что человек не решается, или стыдится, или боится сказать; причины могут быть разные, главное, что это под «внутренним» запретом, под контролем. Но то, что таится в подсознании, в моменты особого эмоционального напряжения выходит из-под контроля и, помимо воли говорящего, произносится, даже не столько произносится, сколько выкрикивается из потаённых глубин.

Иногда версии решения какого-то вопроса, выдвигаемые исследователем и являющиеся лишь предположением, подтверждаются как бы сами собой. Отрадно ответы увидеть в самих исследуемых текстах. Так, Достоевский сам объясняет внезапно появляющиеся вставки: в сцене встречи Аглаи с Настасьей Филипповной накануне страшной развязки прямо говорится о мотивах поведения героини «<...> *Вы его, такого простого, не могли полюбить, и даже, может быть, про себя презирали и смеялись над ним, могли полюбить только один свой позор и непрерывную мысль о том, что вы опозорены и что вас оскорбили. Будь у вас меньше позору или не будь его вовсе, вы были бы несчастнее... (Аглая с наслаждением выговаривала эти слишком уж поспешно выскакивавшие, но давно уже приготовленные и обдуманые слова, тогда ещё обдуманые, когда и во сне не представлялось теперешнего свидания; она ядовитым взглядом следила за эффектом их на искажённом от волнения лице Настасьи Филипповны.)*» (И.).

Автор прерывает ход повествования, как всегда, тонкими психологическими наблюдениями, как будто вербализуя оттенки душевных состояний, которые и самим персонажам не всегда понятны. Герои Достоевского, как обычно у него и бывает, чрезвычайно чувствительны, с оголёнными нервами, показывают свою невероятную способность понимать малейшие нюансы поведения и душевных побуждений (как своих, так и других лиц), но не умеют это объяснить; а может быть, их объяснение захлебнулось бы в многословии, бесконечных самоперебивах, мелких пояснениях (как это, впрочем, часто и происходит), – и в итоге всё вышло бы опять слишком запутанно и непонятно. И эту работу комментатора берёт на себя автор: несколькими вставными замечаниями проясняет всё туманное и невысказанное. Вставки помогают обуздать летящие лавиной слова, заставить их собраться и сконцентрироваться. *«После слов племянника Лебедева последовало некоторое всеобщее движение и поднялся даже ропот, хотя во всём обществе все видимо избегали вмешиваться в дело, кроме разве одного только Лебедева, бывшего точно в лихорадке. (Странное дело: Лебедев, очевидно стоявший за князя, как будто ощущал теперь некоторое удовольствие фамильной гордости после речи своего племянника; по крайней мере, с некоторым особенным видом довольства оглядел всю публику.)*» (И.). Сцена примирения князя с Аглаей: *«Он хотел даже выговорить, что он недостойн, чтоб у него просили прощения. <...> Бесспорно, что для него составляло уже верх блаженства одно то, что он опять будет беспрепятственно приходить к Аглае, что ему позволят с нею говорить, с нею сидеть, с нею гулять, и, кто знает, может быть, этим одним он остался бы доволен на всю свою жизнь! (Вот этого-то довольства, кажется, и боялась*

Лизавета Прокофьевна про себя; она угадывала его; многого она боялась про себя, чего и выговорить не умела.)» (И.).

Такие вставки, вклиниваясь в высказывание, доминируют в нём, создают текст в тексте. А. Вежбицкая, введя понятие «двутекст», заметила, что в нём в результате авторского комментария написанное «высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании» [3, с. 404].

И даже мелкие авторские замечания, комментарии дают содержанию глубину, а тексту – законченность: Иван Алёше: *«Что ты мне давеча говорил про Лизу? – начал опять Иван. (Он становился очень словоохотлив.) Мне нравится Лиза» (БК.);* несобственно-прямая речь князя Мышкина: *«Но... неужели Рогожин до сих пор не заметил в ней безумия? Гм...Рогожин видит во всём другие причины, страстные причины! И какая безумная ревность! Что он хотел сказать давешним предположением своим? (Князь вдруг покраснел, и что-то как будто дрогнуло в его сердце.)» (И.).*

В содержании текста интер-вставки не семантический довесок. Они являются ключевым фрагментом, представляющим семантическое сгущение.

В предложениях со вставкой усматривается так называемый семантическая двухъярусность: разные семантические линии, соединяясь в особом сочетании, создают особый, уникальный текстовый рисунок. Такое свойство полифонизма особенно ярко проявляется в интер-вставках. А когда вставка представляет иную линию, чем линия основного повествования (например, включение авторского комментария в монолог персонажа или вставные ремарки другого лица, даже самоперебивы героя, не имеющие отношения к основной сюжетной линии), то возникающее переплетение этих линий приводит к семантической осложнённости высказывания.

В данной работе намечены аспекты изучения занимательного явления в художественном тексте: интер-вставок. Материал исследования – произведения Ф. Достоевского – задаёт пока больше вопросов, чем даёт ответы. И потому у будущих изысканий есть перспектива.

Любой художественный текст конечен, замкнут, имеет границы. Комментарии к тексту – это незамкнутое, открытое пространство, объём которого тем больше, чем больше оснований для интерпретаций даёт текст. Если художественные творения гениального мастера столь глубоки и интересны многим поколениям исследователей, значит, дело не в количестве исследований, их может и должно быть сколь угодно много, главное, чтобы каждое подчинялось только одной задаче: бережно и адекватно, сведя к минимуму (а лучше совсем избежать) субъективность, прочесть великое наследие.

РЕЗЮМЕ

Інтер-вставки показують себе необхідним елементом, який забезпечує когезію тексту. У висловленнях з інтер-вставкою спостерігається семантична двух'ярусність: різні семантичні лінії, які з'єднуються в особливому поєднанні утворюють унікальний текстовий малюнок. Включення інтер-вставок до тексту приводить до семантичного ускладнення.

Ключові слова: інтер-вставка, когезія тексту, складне синтаксичне ціле, широка змістовна амплітуда.

SUMMARY

Inter-parentheses reveal themselves as a necessary element providing text cohesion. There is a semantic two-tier structure in the utterances with inter-parentheses: different

semantic lines connected into a particular combination create a unique text picture. The insertion of parentheses into the text leads to a semantic complication.

Key words: inter-parenthesis, text cohesion, complex syntactic unity, wide semantic amplitude.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности [Текст] / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. - М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Моэм, С. О Достоевском [Текст] / С. Моэм // Искусство слова. – М. : Художественная литература. – 399 с.
3. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 8. - М., 1978. – С. 389—450.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Б. – «Бесы»
- БК – «Братья Карамазовы»
- Иг. – «Игрок»
- И. – «Идиот»
- ПиН – «Преступление и наказание»
- УО – «Униженные и оскорблённые»